

Японские исследования. 2019. № 4. С. 103–119.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 103–119.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом*

П.В. Кульнева

Аннотация. Несмотря на сильное притяжение Японии и Китая в экономическом направлении в последние десятилетия, в социальной сфере сохраняется много факторов, отталкивающих страны друг от друга. Большое место в формировании негативного имиджа страны-партнёра у обеих сторон занимают проблемы, связанные с памятью о событиях Второй мировой войны.

Восприятие Китая японским обществом менялось на протяжении послевоенных десятилетий. После капитуляции Японии и её оккупации союзными войсками политическая, экономическая и культурная дистанция между странами увеличилась. Это привело к «провалу» в памяти, связанной с Китаем, у послевоенного поколения японцев. Интерес к Китаю начал заметно расти только через некоторое время после нормализации японо-китайских отношений (1972) – с конца 1980-х – начала 1990-х годов, по мере того как официальные контакты между странами на разных уровнях становились более активными.

Первое серьёзное падение имиджа Китая в Японии связано с инцидентом 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, показавшим, что Китай является небезопасной страной с репрессивным государственным аппаратом. С тех пор отношение японского общества к Китаю постепенно ухудшалось по разным причинам. Начиная с 1990-х годов, по мере развития и усложнения японо-китайских отношений появлялись новые проблемы, формирующие негативный имидж Китая, в том числе борьба двух стран за геополитическое влияние, глобальная конкуренция, неблагоприятное воздействие Китая на экологическую обстановку в регионе, недостаточно высокое качество китайской продукции, разница менталитетов с китайскими партнёрами по бизнесу, недовольство чрезмерным числом китайских туристов в Японии и др. Вместе с тем всё более остро ощущалась и проблема исторической памяти. Можно сказать, что эта проблема вписывается в набор противоречий, которые накопились в японо-китайских отношениях, и не только дополняет, но и усиливает некоторые из них.

Несмотря на неблагоприятную картину восприятия Китая японским обществом, в последние годы заметна тенденция к её улучшению. Особенно много японцев, положительно оценивающих Китай и перспективы развития отношений с этой страной, среди молодёжи. Активные контакты с Китаем дают японцам возможность ближе узнать эту страну, а развитие экономических связей делает влияние политических факторов менее заметным.

Ключевые слова: японо-китайские отношения, Вторая мировая война, историческая память, храм Ясукуни, общественное мнение, имидж Китая, деловая среда Китая, взаимосвязь экономики и политики.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: kpoline@list.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

The place of historical memory in perception of China by Japanese society*

P.V. Kulneva

Abstract. Despite the strong economic gravity between Japan and China, there are still many social factors that pull the countries away from each other. One of such factors is the negative image of the partner, which is largely related to the memory of World War II.

Perception of China in Japanese society has been changing over the post-war decades. After Japan's surrender and occupation of the country by the Allied Powers, political, economic, and cultural distance between the two countries grew. This led to a "lapse of memory" related to China among the post-war generation of the Japanese. Interest towards China in Japan started growing after some time had passed since the normalization of Sino-Japanese relations (1972) – from late 1980s-early 1990s, as the contacts between the countries on different levels became more and more active.

The image of China in Japan deteriorated dramatically for the first time after the 1989 Tiananmen Square protests, which demonstrated that China was an unsafe country with a repressive state machine. The attitude of Japanese society to China has been worsening since then for various reasons. Starting from the 1990s, new problems emerged, including the struggle for geopolitical influence, global competition, pollution of environment and bad quality of Chinese products, problems of communication with Chinese business partners, growing number of Chinese tourists in Japan, etc. As Sino-Japanese relations became more complicated, the problem of historical memory emerged more and more vividly. This problem fits into the whole picture of controversies accumulated in the Sino-Japanese relations and intensifies some of them.

Despite the unfavorable perception of China by the Japanese society, signs of improvement can be seen in the last few years, especially among the younger generation. Many young Japanese view China and the prospects of developing bilateral relations positively. Contacts with China give more opportunities to understand this country better, and close economic ties make the influence of political factors less obvious.

Keywords: Sino-Japanese relations, World War II, historical memory, Yasukuni Shrine, public opinion, China's image, business environment in China, interaction of economics and politics.

Author: *Kulneva Polina V.*, PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kpoline@list.ru

Япония и Китай¹ входят в число крупнейших экономик Азиатско-Тихоокеанского региона и связаны между собой тесными торговыми отношениями, прямыми инвестициями, активным культурным и научным сотрудничеством, туристическим обменом. Прочность этих связей в настоящее время настолько велика, что позволяет говорить как японской, так и китайской стороне, об экономической «взаимозависимости». При этом удивительно, что в условиях сильного притяжения Японии и Китая в экономическом направлении в социальной сфере сохраняется много факторов, отталкивающих страны друг от друга. По данным недавнего социологического опроса японской некоммерческой организации Genron NPO, в 2018 г. только 13,1 % японцев хорошо относились к Китаю. В то же время у более чем 80 %

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

¹ Под Китаем в этой статье понимается Китайская народная республика (КНР), или материковый Китай, если не указано иное.

опрошенных отношение к Китаю не было положительным. С китайской стороны ситуация несколько лучше: 42,2 % респондентов относятся к Японии хорошо, и 56,1 % дали противоположные ответы [Дай 14-кай..., с. 2]. Однако, как свидетельствуют данные опроса, для большинства китайских респондентов Япония всё же не является привлекательной страной.

Упомянутое обследование Genron NPO отчасти объясняет, с чем связано такое восприятие японцами и китайцами друг друга, в разделе «причины [соответствующего] отношения к стране». Так, для японцев главными причинами негативного восприятия КНР в 2018 г. были (в порядке убывания значимости) «периодическое вторжение соседа в территориальные воды и воздушное пространство близ островов Сэнкаку» (на эту причину указали 58,6 % респондентов); «несоответствие действий Китая мировому порядку» (48,0 %); «критика со стороны Китая в связи с историческими проблемами» (41,8 %). Для китайцев негативное восприятие Японии было связано, прежде всего, с тем, что Япония «не раскаялась должным образом и не принесла извинения за вторжение на китайскую территорию» (54,7 %), а также с «национализацией островов Дяоюйдао (Сэнкаку) и вызванным ей противостоянием» (50,5 %). Третьим по значимости фактором стали геополитические причины: 41,5 % респондентов отметили, что «Япония совместно с США пытается загнать Китай в засаду с военной, экономической и идеологической точек зрения» [Дай 14-кай..., с. 5].

Меньшее, но довольно существенное число японских респондентов среди прочих причин негативного восприятия Китая отмечают «постоянные антияпонские публикации китайских СМИ» (часто затрагивающие военную тематику) и опасения, связанные с усилением военной мощи Китая. На каждую из этих причин указали по 30 % опрошенных. В целом, рассматривая причины негативного восприятия японцами и китайцами друг друга, с обеих сторон можно отметить взаимные обвинения в национализме, опасения, связанные с ростом военной мощи соседа, разногласия в вопросах мировой политики [Дай 14-кай..., с. 5].

Занимающая заметное место во взаимном восприятии двух стран проблема спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао обострилась после их национализации японским правительством в 2012 г. Ситуация с островами послужила поводом для того, чтобы в Китае снова вспомнили японскую агрессию 1930–1940-х годов, интерпретацию военных событий в японских учебниках истории и посещение высшими должностными лицами Японии храма Ясукуни, где, как считается, покоятся души погибших за родину японских солдат, среди которых есть военные преступники. Масштабные антияпонские демонстрации, проходившие в Китае в 2012 г., сопровождались соответствующими лозунгами и публикациями в китайских СМИ.

Не удивительно, что антияпонские настроения нанесли удар по имиджу Китая в Японии, поскольку они серьёзно подорвали стабильность работы японских компаний и создали некомфортную среду для туристов. Если говорить о последствиях для японского бизнеса, то они были весьма ощутимы: так, объём продаж автомобилей компании «Мицубиси» на китайском рынке в сентябре 2012 г. (в период демонстраций) упал на 63 % по сравнению с тем же периодом прошлого года; на 40 % снизились в том же месяце продажи компании «Тоёта», пострадали продажи компаний «Ниссан» и «Мазда» [Йомиури симбун, 06.10.2012]. Не менее серьёзные потери понесли производители японской электроники: в августе 2012 г. продажи «Тосиба» в китайских розничных сетях упали на

40,3 % по сравнению с предшествующим месяцем, «Санъё» – на 44,3 %, «Панасоник» – на 23,4 %, «Шарп» – на 21,1 % [Searchina, 12.09.2012]. В результате довольно заметным стало падение объёмов японского экспорта в КНР, через некоторое время снизились и японские инвестиции.

Будучи сложной и абстрактной категорией, историческая память, несомненно, является составной частью имиджа Китая в японском обществе и, как показали события 2012 г., имеет большое значение в том числе и для реальных показателей японо-китайского экономического сотрудничества. В связи с этим важно понять, как формируется историческая память о военных событиях середины XX в., какое место она занимала в японо-китайских отношениях на разных этапах их послевоенного развития и почему её значение во взаимном восприятии двух стран столь велико в настоящее время. В данной статье мы попытаемся оценить с этих точек зрения место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом.

Прежде всего, необходимо отметить, что память о военных событиях стала острой проблемой в японо-китайских отношениях сравнительно недавно. Когда впервые после окончания войны имидж Китая в Японии резко упал в начале 1990-х годов, это произошло не из-за конфликта взглядов на историческое прошлое, а в связи с инцидентом 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, показавшим, что Китай является небезопасной страной с репрессивным государственным аппаратом. Если в 1980-е годы около 70 % японцев испытывали дружеские чувства к Китаю [Найкакуфу...], то в 90-е число японцев, испытывающих дружеские чувства к этой стране, колебалось уже в районе 50 %, и в последующие годы ситуация только ухудшалась.

Динамика восприятия Китая японским обществом (1978–2013 гг.).

Доля людей, ответивших, что испытывают дружеские чувства к Китаю (%)

По данным опроса общественного мнения Кабинетом министров Японии

Нельзя сказать, что настрой японского общества по отношению к Китаю стал негативным сразу после войны. По свидетельству исследователей того времени, чувства, которые испытывали японцы к своему соседу в 1950–1960-е годы, представляли собой «смесь страха, пренебрежения и родства», причём чувство родства во многом смягчало враждебность, вызванную страхом и пренебрежением [Sadako Ogata, 1965, p. 390–391].

Страх был связан с неопределённостью, так как, несмотря на свою слабость во второй половине XIX – начале XX в., Китай был решительно настроен стать мощной державой под началом нового коммунистического правительства и, очевидно, обладал для этого внутренними ресурсами. Пренебрежение было унаследовано от довоенного антикитайского образования, где Китай представлялся бедной, отстающей страной, а Япония – лидером модернизации в регионе. Однако для многих представителей того же довоенного поколения война усилила чувство «родства» с Китаем, страна не была для этих людей полностью чужой.

Поколение японцев, родившихся после войны, оказалось в совершенно новых условиях: эти люди не были знакомы с Китаем первой половины XX в. и не застали военные события. После капитуляции Японии и её оккупации союзными войсками политическая, экономическая и культурная дистанция между Японией и Китаем увеличилась, в то время как западные ценности стали существенно ближе. В общем, до нормализации отношений стран в 1972 г. контактов между ними было сравнительно мало, интерес к Китаю не был высоким, и для целого поколения японцев эта страна стала фактически чужой.

Большой вклад в увеличение дистанции между Китаем и Японией внесла политика союзных войск во главе с генералом Макартуром, проводимая на протяжении семилетнего периода оккупации Японии (сентябрь 1945 г. – апрель 1952 г.). Как отмечает американский антрополог Рут Бенедикт, оккупация была воспринята японским народом как «естественные последствия» сделанных ошибок и шаг, необходимый для дальнейшего развития страны по пути мира и демократии. Поэтому японцы с готовностью приняли разработанную США новую конституцию, предложенные политическую и экономическую модели [Бенедикт, 2013, с. 213–214]. Кардинальная переориентация Японии в сторону США сопровождалась принятием американских ценностей, которые в последующие десятилетия заняли прочные позиции в культуре и мировосприятии японцев и сохраняют их до сих пор.

Общепринятой точкой зрения на события военного прошлого, которая хорошо соотнеслась с национальным самосознанием японцев и стала подходящей базой для реформ американского командования, стало представление о том, что японская агрессия и жестокость были результатом неправильных действий руководства страны и японский народ не несёт ответственность за содеянное.

По мнению американского японоведа Кэрол Глюк, оккупация Японии союзными войсками закрыла для страны одну страницу истории и открыла другую. «В “правильной истории”, какой её видел генерал Макартур, от довоенного “феодалного” прошлого следовало полностью отказаться во имя того, что оккупационные войска считали его исторической противоположностью, демократией» [Postwar Japan..., 1993, p. 66]. Преступления, совершённые в 1928–1945 гг., были упорядочены в ходе Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ). Формулировка причин и результатов действий конкретных людей в процессе трибунала, вынесение обвинений и наказание виновных помогли поставить в событиях своеобразную точку.

Массовая культура послевоенного времени была ориентирована на то, чтобы смягчить разочарование народа от поражения в войне. Так, японский кинематограф 1950–1960-х годов старался показывать более приглядные стороны военных событий и избегать острых проблем, которые могли бы плохо сказаться на самооценке японских зрителей. Солдат японской армии чаще всего изображали мужественными и дисциплинированными, а войну – беспорядочной и несправедливой. Солдаты, таким образом, становились жертвами системы

и обстоятельств, а военные преступники, если и оказывались героями фильма, то находились в подчинении у начальства, ставившего их в безвыходное положение. Из-за такого курса развития японского кинематографа сюжеты большинства фильмов в этот период были сосредоточены не на войне в Китае, а на других частях Тихоокеанского театра военных действий, где было легче изобразить действия Японии в позитивном ключе [Wilson, 2013, p. 539]. Таким образом, информации о ближайшем азиатском соседе Японии было недостаточно, и её объективность была спорной.

Большое значение имела также система образования, формирующая взгляды молодёжи об окружающем мире. Учебники истории в послевоенные десятилетия ограничивались довольно кратким и неполным описанием военных действий, и их содержание жёстко контролировалось сетью созданных при поддержке Министерства образования комиссий по проверке учебников [Nozaki, 2008, p. 11–12]. Угрозой для японского государства считалось не только описание событий, которые могут подорвать чувство патриотизма, но и влияние китайской идеологии [Сё, 2003, с. 198–220], что также отражалось на наборе знаний, полученных о Китае, столь близком для Японии прежде.

Проведённый недавно опрос поколения 1955–1965 годов рождения показал, что у этих людей нет целостного представления и глубоких знаний о Китае того периода. Сохранились лишь обрывочные воспоминания, связанные с отдельными наиболее значимыми событиями, которые освещались в новостях (культурная революция, смерть Чжоу Эньлая и т.п.), и немногочисленными контактами во время мероприятий с участием КНР (спортивные соревнования, международная выставка Экспо-70). У многих респондентов сохранились детские воспоминания о пандах, подаренных японскому зоопарку в честь нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. [Хиракава, 2005, с. 4–6]. Таким образом, в целом 1950–1970-е годы стали для многих японцев неким провалом в памяти, связанной с Китаем.

Через несколько лет после нормализации японо-китайских отношений, в 1978 г., в Китае начались реформы в рамках инициированной Дэн Сяопином политики «реформ и открытости». Постепенно, по мере продвижения рыночных преобразований и создания всё большего числа Особых экономических зон с преференциальным режимом для торговли и иностранных инвестиций, КНР становилась важным субъектом международного экономического сотрудничества. Особое место среди партнёров страны вновь заняла Япония, которая поддерживала неофициальные торговые связи с Китаем даже в 1950–1960-е годы, в условиях отсутствия дипломатических отношений, видя в них большой потенциал.

Сближение с Китаем произошло не сразу. В 1980-е годы в Японии по-прежнему доминировало влияние американской и европейской культуры, и ставшее популярным слово «глобализация» воспринималось всё ещё применительно к странам Европы и Америки. Массового интереса к Китаю не было, но у части населения из числа японцев, интересующихся политикой, возникали вопросы, связанные с японо-китайскими отношениями. Некоторые люди чувствовали недоумение из-за того, что Япония и Китай никак не могут поставить точку в военных событиях.

В это время продолжалось начатое ещё в 1960-е годы разбирательство между японским профессором истории Иэнага Сабуро и Министерством образования Японии: в 1982 г. С. Иэнага в третий раз подал в суд на министерство с требованием компенсации за ущерб в связи с отклонением редакции его учебника. Процесс привлекал внимание общественности. Однако интересно, что по воспоминаниям одной из современниц этих событий, узнав из

СМИ о том, что Япония плохо поступила с соседними странами во время войны, она никак не могла связать эту информацию с собой [Хиракава, 2005, с. 6]. Это говорит о том, что за несколько послевоенных десятилетий, в условиях отсутствия официальных контактов с Китаем и политики правительства Японии, направленной на усиление патриотизма и забвение неприятных страниц истории, японское общество дистанцировалось не только от Китая, но и от проблем военного прошлого.

В 1990-е годы ситуация в японо-китайских отношениях изменилась. Это десятилетие стало периодом их бурного развития: не только роста торговли и инвестиций, но и расширения масштабов туризма, научного и культурного обмена. Основой для этого послужил очевидный успех китайских реформ: экономика КНР росла ускоренными темпами, превышавшими в 1992–1995 гг. 10 %. Стремительно увеличивалась численность среднего класса в развитых регионах Китая. Следствием этого стало повышение покупательной способности китайского населения и развитие выездного туризма. В целом, КНР начинала играть всё более заметную роль на мировой арене, укрепились позиции страны в мировой политике и экономике. В 1990-е Китай активно готовился к вступлению во Всемирную торговую организацию (которое состоялось в 2001 г.). В то же время, после краха экономики «мыльного пузыря» в конце 1980-х, Япония вступила в тяжёлый период экономической депрессии, подорвавшей позиции страны в мировой экономике и до сих пор сказывающейся на деловой активности и других экономических показателях.

Всё это имело двойственные последствия для японо-китайских отношений и восприятия Китая в японском обществе. С одной стороны, близость стран стала беспрецедентной со времён окончания Второй мировой войны, что породило взаимный интерес и желание двух народов понять друг друга. В Японии растёт популярность китайского языка и публикуется всё больше литературы о Китае. С другой стороны, рост влияния КНР и тесные контакты с этой страной вызывают в Японии насторожённость, которая ощущается достаточно сильно и складывается из разных составляющих.

В середине 1990-х годов появились первые признаки того, что Китай может превзойти Японию по валовому внутреннему продукту, и в 2010 г. это действительно произошло. Такой экономический прорыв оказался неожиданным для японского общества и был воспринят как угроза, поскольку означал, что Китай вытесняет Японию с позиций сильнейшей в Азии экономической державы и в японо-китайских отношениях происходит смещение центра силы в сторону Китая. В целом, большое беспокойство в Японии стал вызывать рост геополитического влияния КНР, вес этой страны в принятии решений международного масштаба, её ядерный потенциал и военные расходы. Постепенное сворачивание в 2000-е годы официальной помощи развитию (ОПР), которая предоставлялась Японией Китаю в довольно больших объёмах на протяжении почти 40 лет, было во многом связано именно с опасениями нецелевого расходования средств и роста военной мощи Китая².

Помимо геополитических факторов и вопросов глобальной конкуренции, предметом для беспокойства японского общества являются проблемы экологии, недостаточно высокое качество китайской продукции, разница менталитета с китайскими партнёрами по бизнесу, недовольство засильем китайских туристов и т.п.

² Проблема связи японской ОПР с компенсацией военного ущерба странам Азии, её мотивы, структура, динамика и другие вопросы довольно полно рассмотрены в публикациях Е.Б. Ковригина.

Таким образом, в настоящее время японо-китайские отношения имеют комплексный характер, для них характерны активные двухсторонние контакты на разных уровнях и большое количество проблем, требующих решения. По мере развития и усложнения отношений всё более остро стала ощущаться и проблема исторической памяти. Можно сказать, что эта проблема вписывается в набор противоречий, которые накопились в японо-китайских отношениях к настоящему времени, и не только дополняет, но и усиливает некоторые из них.

Особое место исторической памяти в японо-китайских отношениях на современном этапе можно объяснить, во-первых, тем, что с момента окончания войны прошло достаточно времени, многие вопросы переосмыслены и вновь привлекли к себе внимание, во-вторых, самим характером отношений двух стран: как уже отмечалось ранее, ввиду их тесных связей и экономической взаимозависимости любые разногласия могут крайне болезненно сказаться на показателях двустороннего сотрудничества.

Можно упомянуть ещё одну причину, повысившую значимость исторической памяти и сделавшую её проявления более заметными. Исторические проблемы зачастую становятся инструментом давления и манипуляции как в международных отношениях, так и во внутренней политике государств. Считается, что чувствительность китайского общества к вопросам военного прошлого повысилась в 1980-е годы вследствие либерализации и повышения уровня жизни населения. Вновь зародившийся средний класс получил возможность выражать свою точку зрения свободнее, чем при Мао Цзэдуэ, а успехи экономического развития страны способствовали росту патриотизма. В этих условиях реакция китайцев на события мировой политики, касающиеся Китая, становилась более болезненной. Кроме того, с расширением свободы СМИ и появлением Интернета общественное мнение становилось всё более серьёзным предметом для беспокойства китайских властей, и антияпонская пропаганда превратилась в инструмент отвлечения внимания от внутренних проблем [Zakowski, 2012, p. 50].

Обстановка в регионе также складывалась таким образом, что правительству КНР был необходим новый образ внешнего врага для консолидации общества и повышения доверия к Коммунистической партии (КПК). В середине 1980-х годов на Тайване появилась оппозиционная Гоминьдану Демократическая прогрессивная партия (ДПП), выступающая за провозглашение Тайваня независимым государством, и Гоминьдан из врага превратился в потенциального союзника КПК в борьбе с внешней угрозой. Социальная нестабильность и демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. поставили КПК перед острой необходимостью патриотического образования, центральное место в котором занял теперь негативный образ Японии. В 1980-е и 90-е годы в КНР корректируются учебники истории, появляются новые военные музеи, выходит целый ряд художественных фильмов, где в войне сопротивления японским захватчикам 1937–1945 гг. Китай представляется в качестве жертвы.

Не удивительно, что после 1980-х реакция КНР на многие проблемы, связанные с военным прошлым, стала более эмоциональной. Японское общество, в свою очередь, стало эмоциональнее реагировать на заявления китайских политиков, публикации китайских СМИ и в целом на антияпонские настроения китайского народа. В результате критика со стороны Китая в связи с историческими проблемами стала одним из ключевых факторов негативного имиджа КНР в Японии.

Именно в 1980-е годы в японо-китайских отношениях возникли первые дипломатические конфликты в связи с содержанием японских учебников истории. В это же время китайское правительство стало делать серьёзную дипломатическую проблему из посещения японскими

государственными лицами святилища Ясукуни – центра религии *синто*, где, как считается, покоятся души японцев, погибших в войне.

Проблема учебников истории периодически всплывает в японо-китайских отношениях и причиняет обеим сторонам серьёзное беспокойство. В 1982 г. КНР обвинила Японию в смягчении тональности при описании событий 1937–1945 гг., а именно, в замене слова *синряку* («агрессия» [Японии в Китае]) на *синсюцу* («наступление») по указанию Министерства образования. Впоследствии выяснилось, что такой поправки не делалось [Pyle, Kenneth B., 1983, p. 298–300], но проблема получила большой резонанс в СМИ и широко обсуждалась. Помимо конфликтной ситуации 1982 г., можно отметить ещё три кризиса [Fukuoka, 2011, p. 85–87], когда разногласия в связи с содержанием учебников возникали на международном уровне. В 1986 г. китайское правительство раскритиковало новый учебник истории, утверждённый Министерством образования, считая его необъективным и не учитывающим интересы соседей Японии. В 1990-е годы ситуация была относительно стабильной во многом благодаря тому, что, осознавая дипломатические издержки, Токио принял меры для её урегулирования³, однако в 2000-е годы возникло ещё два кризиса, которые сопровождались масштабными антияпонскими демонстрациями в Китае.

Ещё одна причина периодических нападков на Японию со стороны КНР – визиты политических лидеров страны в храм Ясукуни – впервые вызвали заметную реакцию в середине 1980-х годов, когда святилище на сороковую годовщину поражения Японии в войне посетил премьер-министр Я. Накасонэ. Действия японского премьера сопровождались резкой критикой китайского МИДа, а в 1990-е годы Китай выразил протест от имени всего народа [Молодякова, 2007, с. 64]. Проблема обострилась на рубеже веков, в годы правления премьер-министра Дз. Коидзуми. На протяжении достаточно долгого периода пребывания на своём посту (с 2001 по 2006 г.) Дз. Коидзуми посещал святилище Ясукуни ежегодно, каждый раз вызывая негативную реакцию азиатских соседей Японии.

Сделанное выше предположение о том, что повышение роли фактора исторической памяти в японо-китайских отношениях связано с внутренней ситуацией в Китае подтверждается также тем, что проблемы учебников истории и святилища Ясукуни возникли значительно раньше, чем стали предметом дипломатических конфликтов двух стран. Полемика насчёт содержания учебников истории практически не прекращалась в Японии на протяжении послевоенных десятилетий. После завершения оккупации в стране вновь возросло влияние консервативных сил, которые стремились достичь максимального контроля над системой образования (в том числе, над содержанием курса по истории), добиться романтизации военных событий, создать героический образ Японии и свести к минимуму описание фактов, представляющих страну в негативном свете. Государственному контролю в сфере образования противостояли прогрессивно настроенные исследователи и преподаватели, которые пытались добиться достоверного описания исторических фактов в учебниках и более широкого использования таких учебных пособий [Arai, 2010, p. 113–121]. Наиболее известным борцом за объективное отражение военных событий в учебниках считается японский

³ Уже после первого конфликта генеральный секретарь кабинета министров Японии Миядзава Киити сделал заявление, в котором выразил сожаление в связи со сложившейся ситуацией и пообещал, что Япония обратит должное внимание на критику. В том же 1982 г. Министерство образования приняло так называемый Пункт о ближайших соседях, где подчёркивалась необходимость международного взаимопонимания и согласия с соседними странами Азии при рассмотрении событий Новейшей истории.

профессор истории Иэнага Сабуро, упомянутый ранее. Таким образом, трансформация исторической памяти происходила в Японии под воздействием внутренних сил, а проецирование проблемы на Китай началось в результате реформ в КНР и расширения её контактов с Японией.

Проблема святилища Ясукуни имеет ещё более глубокие религиозные, культурные и исторические корни. Само святилище связано с «государственным синто» (*кокка синто*) – религией, которая была для правящих кругов Японии средством утверждения власти в период от реставрации Мэйдзи (1868) до окончания Второй мировой войны. Ассоциации с милитаристской идеологией и тоталитарным режимом военного времени по понятным причинам вызывают негативную реакцию у народов, пострадавших от японской агрессии, тем более что в нём покоятся души военных преступников, осуждённых Международным военным трибуналом. В то же время храм является частью исторической памяти японцев и имеет для них большое значение как место скорби и почитания соотечественников, пожертвовавших своей жизнью на благо родины [Молодякова, 2007, с. 59]. Сложность и «многоаспектность» проблемы святилища Ясукуни, по мнению Э.В. Молодяковой, открывает возможность для спекуляций и разыгрывания карты Ясукуни в мировой политике.

Оценка японским обществом ситуации с храмом Ясукуни как раз отражает многоаспектность проблемы. По данным проведённого в 2013 г. опроса газеты «Майнити», около 60 % японцев (в обеих опрошенных возрастных группах: от 20 до 30 лет и старше 30 лет) не против посещения храма премьер-министром Японии. В то же время большинство респондентов (56 % аудитории 20–30 лет и 84 % аудитории старше 30 лет) знают о том, что в святилище почитаются осуждённые МВТДВ военные преступники, и около половины респондентов (45 % в первой и 55 % во второй возрастной группе) ответили, что считают войну агрессивной по отношению к странам Азии. Очевидно, что люди смотрят на храм Ясукуни в первую очередь как на место скорби и памяти о войне. Важно при этом, что дипломатические проблемы, связанные с храмом Ясукуни, беспокоят японское общество. Так, 69,8 % японцев, опрошенных по данному вопросу в том же году агентством «Киодо Цусин», ответили, что необходимо уделять внимание дипломатическим отношениям⁴.

Восприятие японцами проблемы храма Ясукуни говорит о расхождении во взглядах на военные события внутри страны и за рубежом. Американский историк Джон Довер отмечает, что для многих японцев, находящихся в Японии, война сохранилась в памяти как трагическая «история потерь», в то время как для жителей стран Азии, англичан и американцев Япония, безусловно, является страной-агрессором [Кимура М.].

Под влиянием свойственной Японии закрытости, склонности отгораживаться от внешнего мира и под давлением консервативных сил развитие исторической памяти происходило в Японии по своей траектории. Именно из-за разного восприятия военных событий в Японии и Китае историческая память остаётся тяжёлым грузом в японо-китайских отношениях.

Об осознании актуальности проблемы исторической памяти двумя сторонами свидетельствует серьёзное совместное изучение Японией и Китаем общественного мнения на предмет взаимного восприятия и отношения народов друг к другу, начавшееся около 15 лет назад, где проблемам истории уделено особое внимание. В 2005 г. были опубликованы

⁴ Данные социологических опросов приводятся в статье независимого японского журналиста Кимура Масато, работавшего в лондонском представительстве газеты «Санкэй симбун».

результаты первого опроса общественного мнения, совместно проведённого японскими и китайскими организациями (со стороны Японии – некоммерческая организация Genron NPO, а со стороны Китая – издающая одноимённую газету компания China Daily и Пекинский университет). С тех пор исследование проводится ежегодно и большое внимание в нём уделяется любым незначительным колебаниям взаимного имиджа и восприятия. Изучается широкий круг вопросов – от мнения общества о безопасности в регионе до наличия друзей и знакомых в стране-соседе. Характерно, что во всех изданиях опроса подчёркивается важность проблемы исторической памяти, ей посвящён специальный раздел. Проблема исторической памяти также обращает на себя внимание в ответах респондентов на такие общие вопросы из других разделов, как «причина негативного отношения к Китаю / Японии» или «что больше всего, по вашему мнению, мешает развитию японо-китайских отношений».

На протяжении 15 лет набор «проблем исторической памяти, требующих решения», предлагаемый для оценки японской и китайской аудитории, остаётся неизменным: это отношение к войне и её наиболее болезненным эпизодам (нанкинская резня, женщины для утешения), осознание японцами своей вины и компенсация за ущерб, освещение военных событий в учебниках истории (как японских, так и китайских), высказывания политиков и публикации СМИ. Судя по распределению голосов, эти проблемы имеют разный вес в японском и китайском обществе, однако значительные группы людей и в Японии, и в Китае согласны, что они ещё не решены (табл. 1).

Таблица 1. Исторические проблемы японо-китайских отношений, требующие решения, % (2018 г.)*

Проблема	Доля респондентов (Япония)	Доля респондентов (Китай)
Отношение Японии к агрессивной войне	36,6	62,2
Проблема японских учебников истории	21,7	40,9
Репарации Японии, проблемы женщин для утешения, принуждения к труду и др.	32,0	44,3
Отношение Японии к нанкинской резне	20,6	52,2
Высказывания японских политиков о Китае	7,1	37,7
Публикации японских СМИ о Китае	14,2	29,4
Недостаточное признание японцами вины за агрессию	6,6	26,5
Антияпонское образование в Китае и содержание учебников	64,6	12,3
Отношение Китая к нанкинской резне	30,9	13,7
Высказывания китайских политиков о Японии	27,2	6,4
Публикации китайских СМИ о Японии	38,8	2,7
Другое	2,1	0,0
Не знаю	4,3	0,0
Без ответа	0,3	0,1

* Доля респондентов из целевой аудитории, отметивших важность проблемы.

Источник: Дай 14-кай ниттю кёдо ёрон тёса : [14-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае]. Genron NPO, 2018. С. 24.

Японская аудитория обращает большое внимание на антияпонские настроения в целом, включая особенности китайской системы образования и содержание учебников, а также отношение Китая к нанкинской резне, высказывания китайских политиков и представителей СМИ. В то же время респонденты осознают необходимость работы над проблемой исторической памяти и со стороны Японии. Так, 36,6 % считают, что Япония должна пересмотреть отношение к агрессивной войне, а 20,6 % – что требуется пересмотр отношения к нанкинской резне. 21,7 % японских респондентов видят необходимость работы над содержанием японских учебников истории. 32,0 % считают нерешёнными проблемы репараций и компенсации пострадавшим. Более 60 % японских участников опроса считают исторические проблемы препятствием для развития японо-китайских отношений.

Говоря о том, что историческая память дополняет и усиливает другие проблемы, существующие в японо-китайских отношениях, необходимо ещё раз подчеркнуть, что она сказывается на экономическом сотрудничестве. Японские предприниматели воспринимают Китай как делового партнёра с учётом этого фактора. Так, в отчёте Ассоциации по исследованию управления рисками в Китае организации ДЖЕТРО антияпонские настроения и исторические проблемы отмечены как специфические риски. Отмечается также, что японские компании часто оказываются объектами «нападения» китайских СМИ [Тюоку рисуку..., с. 43].

Историческая память, безусловно, является фактором неопределённости и препятствием для расширения бизнеса японских предпринимателей в Китае. Она вселяет в них чувства неуверенности, нестабильности и разочарования. Так, после разрушительных демонстраций 2012 г. директор пострадавшего универмага Аеон (Циндао) Орита Фумиаки выразил сожаление и досаду, так как несмотря на то, что компания так много сделала для Китая, наняв 3800 китайских сотрудников, выделив за три года 15 млн иен китайским студентам и приложив все усилия для того, чтобы достичь взаимопонимания с местными жителями, ей ответили ненавистью [NHK, 18.09.2012].

В настоящее время в японских СМИ широко обсуждается закрытие универмага Такасима в Шанхае, финансовые проблемы которого начались с антияпонских демонстраций 2012 г. Универмаг был открыт через три месяца после национализации островов Сэнкаку, и из-за материального ущерба и бойкота японских товаров не смог достичь ожидаемых финансовых результатов [Record China, 26.06.2019]. Для японцев это означает, что фактор исторической памяти необходимо учитывать при долгосрочном планировании.

Антияпонские настроения в Китае беспокоят и японских туристов. Многие туристы побоялись ехать в Китай после начала демонстраций, а турфирмы отменили запланированные туры [Нихон кэйдзай симбун, 16.09.2012]. Простых японцев, в том числе туристов волнуют в первую очередь вопросы безопасности. Страх нестабильности, агрессивного отношения, непонимания часто перевешивает возникший в последние десятилетия интерес к Китаю.

Однако не все японцы испугались сложившейся ситуации. Интересен пример группы студентов Университета Мэйдзи, которые в 2012 г. поехали в запланированную учебную поездку в КНР несмотря на демонстрации. В своих отзывах после возвращения многие из них отмечают, что посещение Китая в это непростое время повысило их интерес к изучению истории, культуры и языка этой страны. На тех, кто ожидал холодного приёма, произвели впечатление радушие и гостеприимство. Одна из студенток обратила внимание на отличие реальной ситуации от того, что изображали японские СМИ. Вопреки сформированному в

Японии представлению, на месте люди оказались более доброжелательными и говорили, что любят Японию. По наблюдениям ещё одной участницы поездки, трактовки проблемы островов Сэнкаку на китайском и японском телевидении были совершенно разными [Впечатления студентов...].

Это подтверждает серьёзность влияния публикаций СМИ на формирование оценки страны и конкретных событий, важность критического отношения и самостоятельного изучения вопроса на месте, в процессе личного опыта. У молодых японцев появляется всё больше таких возможностей.

Хорошим знаком является то, что по данным исследования общественного мнения Кабинетом министров Японии, среди респондентов, испытывающих дружеские чувства к Китаю и считающих, что ситуация в японо-китайских отношениях благоприятна, больше молодёжи. В 2017 г. 31,5 % японцев в возрасте от 18 до 29 лет чувствовали дружескую близость с Китаем, а 19,7 % опрошенных из этой возрастной группы ответили, что отношения с Китаем, по их мнению, «хорошие» или «скорее хорошие».

Интересно отметить, что если оценка состояния отношений с Китаем колеблется в зависимости от возрастной группы, то чувство близости с Китаем с уменьшением возраста респондентов стабильно растёт (табл. 2). Для японцев старшего поколения Китай менее близок, за исключением группы старше 70 лет (то есть тех, кто родился в 1947 г. или раньше): эти люди в большей степени воспринимают Китай как близкую страну.

Таблица 2. Оценка японским обществом состояния отношений с Китаем в зависимости от возрастной группы (2017 г.)

Возраст	Отношения Японии с Китаем «хорошие» или «скорее хорошие», %	Есть чувство близости с Китаем, %
18–29 лет	19,7	31,5
30–39 лет	15,5	23,0
40–49 лет	13,7	20,1
50–59 лет	16,5	18,5
60–69 лет	13,4	12,7
Старше 70 лет	14,3	16,9
В среднем по всем группам	14,9	18,8
Среднее за предыдущий год	12,5	16,8

Источник: данные опросов Кабинета министров Японии.

Если посмотреть на среднее значение, то оба показателя улучшились по сравнению с предыдущим годом, и в имидже Китая и японо-китайских отношениях в целом заметна положительная динамика. Развивается сотрудничество Японии с КНР в сферах науки, культуры и образования, туризма, торговли и инвестиций. Всё это требует активных человеческих контактов. Характерно, что хотя у современного поколения сохраняется память о послевоенных проблемах в японо-китайских отношениях и обо всём, что формировало негативный имидж Китая в 1980-е и 1990-е годы, положительный имидж страны-соседа создаётся во многом благодаря социально-экономическим связям, культурному обмену и туризму. Так, согласно отчёту Genron NPO за 2018 г., положительное отношение к Китаю у японской аудитории формируется благодаря различным формам

японо-китайских связей, в том числе туристическим, интересу к китайской музыке, литературе и истории, удовлетворению экономическими успехами КНР и ростом уровня жизни китайского населения (который в некоторой степени приближает китайского потребителя к японскому). Интересно также, что для почти 20 % опрошенных положительный имидж Китая был связан с низкой ценой и привлекательностью его продукции [Дай 14-кай..., с. 4–5], отношение к которой раньше было резко негативным.

На современном этапе японо-китайские отношения стали, с одной стороны, сложными по сферам деятельности, которые они охватывают, и разнообразию их участников и субъектов, с другой стороны – прочными и во многом обусловленными экономическими интересами. Можно даже сказать, что активность социально-экономических контактов начала отодвигать на второй план некоторые политические проблемы.

Профессор китайского университета Цинхуа Лю Цзяньюн, исследующий влияние политических факторов на экономические отношения Японии и Китая, отмечает, что с 1990-х годов они перешли в новую стадию, когда экономические связи уже не находятся в такой сильной зависимости от политической обстановки, как прежде. Это привело даже к тому, что в начале XXI в., в крайне неблагоприятный для японо-китайских политических отношений период правления в Японии премьер-министра Дз. Коидзуми⁵ возникла никогда не наблюдавшаяся ранее ситуация «расцвета экономических отношений при холодности в политике» (кит. *чжэньлэн-цзинжэ*) [Лю, 2007, с. 48–86].

Тем не менее, по мере усложнения японо-китайских отношений возникают новые и напоминают о себе старые нерешённые проблемы, в том числе проблема исторической памяти. Предстоит ещё много работы для достижения взаимопонимания как на уровне политиков, так и на уровне японского и китайского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агентство Рейтер. URL: <http://jp.reuters.com/article/JPauto/idJPTYE89401N20121005> (дата обращения: 01.12.2012).

Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. М.-СПб., 2013.

Дай 14-кай ниттю кёдо ёрон тёса : [14-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае]. URL: <http://www.genron-npo.net/world/archives/7053.html> (дата обращения: 28.04.2019). (На яп.).

Йомиури симбун. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/atcars/news/20121006-OYT8T00273.htm> (дата обращения: 01.12.2012).

Кайгай дзэми гассюку 2012 санкася-но кансобоун (кикоку рэпото ёри) : [Впечатления студентов от учебной поездки в Китай в 2012 г. по возвращении]. URL: <http://www.kisc.meiji.ac.jp/~asiashi/images/report005.pdf> (дата обращения: 08.08.2019). (На яп.).

Кимура М. Сюсё-но Ясукуни сампай. Асахи-но ёрон тёса-дэ мо 6 вари сансэй : [Посещение премьером храма Ясукуни. По данным опроса общественного мнения газетой «Асахи», 60 % поддерживают]. URL: <https://news.yahoo.co.jp/byline/kimuramasato/20131230-00031149/> (дата обращения: 13.08.2019). (На яп.).

⁵ В этот период негативную реакцию китайской стороны вызывало посещение японскими высшими должностными лицами святилища Ясукуни.

Ковригин Е.Б. Япония – АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 40–74.

Ковригин Е.Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 9–33.

Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси : [Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»]. Пекин, 2007. (На кит.).

Майнити симбун. URL: <http://mainichi.jp/select/news/20121006k0000m020098000c.html> (дата обращения: 01.12.2012).

Молодякова Э.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония. Ежегодник. М., 2007.

Найкакуфу ёрон тёса : [Опрос общественного мнения Кабинетом министров]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h25/h25-gaiko/zh/z10.html> (дата обращения: 14.04.2019). (На яп.).

Нихон кэйдзай симбун : [Японская экономическая газета]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG1503D_V10C12A9CC1000/ (дата обращения: 03.08.2019).

Сё Гёсэй. Рэкиси кёкасе мондай-о мэгуру ниттю канкэй : [Проблема учебников истории в японо-китайских отношениях] // Сока дайгаку дайгакуин киё. 2003, № 25. (На яп.).

Тюгоку рисуку манэдзимэнтё кэнкюкай. Хококусё : [Отчёт Ассоциации по исследованию управления рисками в Китае] // ДЖЕТРО. 2013. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/jfile/report/07001515/07001515.pdf (дата обращения: 07.08.2019). (На яп.).

Хиракава С. 40-дай нихондзин-но Тюгокукан-о сагуру : [Исследуя восприятие Китая японцами, родившимися в 40-е годы]. 2005. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46867540.pdf> (дата обращения: 11.04.2019). (На яп.).

Arai S. History Textbooks in Twentieth Century Japan: A Chronological Overview // *Journal of Educational Media, Memory & Society*, Vol. 2, No. 2, Special Issue: Contextualizing School Textbook Revision (AUTUMN 2010). URL: <https://www.jstor.org/stable/43049355> (дата обращения: 05.08.2019).

Fukuoka K. School History Textbooks and Historical memories in Japan: A Study of Reception // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 24, No. 3/4 (September/December 2011). URL: <https://www.jstor.org/stable/41478430> (дата обращения: 01.08.2019).

ННК. URL: <http://www.nhk.or.jp/gendai/articles/3248/1.html> (дата обращения: 08.08.2019).

Nozaki Y. War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese history textbook controversy and Ienaga Saburo's court challenges. Routledge, 2008.

Ogata S. Japanese Attitude toward China // *Asian Survey*, Vol. 5, No. 8 (Aug., 1965).

Postwar Japan and History / ed. by Andrew Gordon. University of California Press. London, 1993.

Pyle, Kenneth B. Japan Besieged: The Textbook Controversy // *Journal of Japanese Studies*, Vol. 9, No. 2 (1983). URL: <https://www.jstor.org/stable/132295> (дата обращения: 01.08.2019).

Record China. URL: <https://www.recordchina.co.jp/b724422-s0-c20-d0054.html> (дата обращения: 19.08.2019).

Searchina. URL: http://news.searchina.ne.jp/disp.cgi?y=2012&d=0912&f=business_0912_161.shtml (дата обращения: 01.12.2012).

Wilson S. Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s // *Journal of Contemporary History*, Vol. 48, No. 3 (JULY 2013).

Zakowski K. Reaction to Popular Pressure or a Political Tool? Different Interpretations of China's Policy Regarding Koizumi's Visits to the Yasukuni Shrine // *Journal of Contemporary Eastern Asia*. 2012. Oct, 11(2).

REFERENCES

Benedict, R. (2013). *Khrizantema i mech: modeli yaponskoy kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture], Moscow-St. Petersburg. (In Russian).

Dai 14-kai nitchu kyodo yoron chosa [The 14th Joint Japan-China Opinion Poll Survey]. URL: <http://www.genron-npo.net/world/archives/7053.html> (accessed: 28.04.2019). (In Japanese).

Fukuoka, K. (2011). School History Textbooks and Historical memories in Japan: A Study of Reception, *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 24 (3/4). URL: <https://www.jstor.org/stable/41478430> (accessed: 01.08.2019).

Gordon, A. (ed.). (1993). *Postwar Japan and History*, London: University of California Press.

Hirakawa, S. (2005). 40-dai nihonjin-no Chugokukan-o saguru [Exploring the View on China among the Japanese Born in 1940s]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46867540.pdf> (accessed: 11.04.2019). (In Japanese).

JETRO. (2013). Chugoku risuku manejimento kenkyukai. Hokukosho [China Risk Management Research Association Report]. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/jfile/report/07001515/07001515.pdf (accessed: 07.08.2019). (In Japanese).

Kaigai zemi gasshuku 2012 sankasha-no kansobun (kikoku repoto yori) [Reflections of the Participants of the 2012 Overseas Seminar Camp after Returning Home]. URL: <http://www.kisc.meiji.ac.jp/~asiashi/images/report005.pdf> (accessed: 08.08.2019). (In Japanese).

Kimura, M. Shusho-no Yasukuni sanpai. Asahi-no yoron chosa-de mo 6 wari sansei [Prime-Minister's Visit to Yasukuni. 60 % Support in the Opinion Poll of Asahi]. URL: <https://news.yahoo.co.jp/byline/kimuramasato/20131230-00031149/> (accessed: 13.08.2019). (In Japanese).

Kovrigin, E.B. (2012). Yaponiya – Kitay: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodeystviya (Japan – China: Official Development Assistance as an Instrument of Economic Interaction), *Prostranstvennaya ekonomika*, 3. (In Russian).

Kovrigin, E.B. (2014). Yaponiya – ASEAN: evolyutsiya ofitsial'noy pomoshchi razvitiyu (Japan – ASEAN: Evolution of the Official Development Assistance), *Prostranstvennaya ekonomika*, 2. (In Russian).

Liu Jiangyong (2007). Zhongguo yu Riben. Bianhua zhong de “zhengleng jingre” guanxi [China and Japan. The Changing Relations of “Cold Politics and Hot Economy”], Beijing. (In Chinese).

Mainichi Shimbun. URL: <http://mainichi.jp/select/news/20121006k0000m020098000c.html> (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Molodyakova, E.V. (2007). *Mnogoaspektnost' problemy svyatilishcha Yasukuni* [Multiple Aspects of the Yasukuni Shrine Issue], *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], Moscow. (In Russian).

Naikakufu yoron chosa [Public Opinion Survey of the Cabinet Office]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h25/h25-gaiko/zh/z10.html> (accessed: 14.04.2019). (In Japanese).

NHK Broadcasting Corporation. URL: <http://www.nhk.or.jp/gendai/articles/3248/1.html> (accessed: 08.08.2019). (In Japanese).

Nihon Keizai Shimbun [Japan Economics Newspaper]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG1503D_V10C12A9CC1000/ (accessed: 03.08.2019). (In Japanese).

Nozaki, Y. (2008). War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese history textbook controversy and Ienaga Saburo's court challenges. Routledge.

Ogata, S. (1965). Japanese Attitude toward China, *Asian Survey*, 5 (8).

Pyle, Kenneth B. (1983). Japan Besieged: The Textbook Controversy, *Journal of Japanese Studies*, 9 (2). URL: <https://www.jstor.org/stable/132295> (accessed: 01.08.2019).

Record China. URL: <https://www.recordchina.co.jp/b724422-s0-c20-d0054.html> (accessed: 19.08.2019). (In Japanese).

Reuters. URL: <http://jp.reuters.com/article/JPauto/idJPTYE89401N20121005> (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Searchina. URL: http://news.searchina.ne.jp/disp.cgi?y=2012&d=0912&f=business_0912_161.shtml (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Sho, Gyosei. (2003). Rekishi kyokasho mondai-o meguru nitchu kankei [Sino-Japanese Relations and the Problem of History Textbooks], *The bulletin of the Graduate School of the Soka University*, 25. (In Japanese).

Wilson, S. (2013). Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s, *Journal of Contemporary History*, 48 (3).

Yomiuri Shimbun. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/atcars/news/20121006-OYT8T00273.htm> (accessed: 01.12.2012). (In Japanese).

Zakowski, K. (2012). Reaction to Popular Pressure or a Political Tool? Different Interpretations of China's Policy Regarding Koizumi's Visits to the Yasukuni Shrine, *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 11(2).

Поступила в редакцию 26.08.2019

Received 26 August 2019

Для цитирования: Кульнева П.В. Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом // Японские исследования. 2019. № 4. С. 103–119. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031

For citation: Kulneva P.V. (2019). Mesto istoricheskoy pamyati v vospriyatii Kitaya yaponskim obshchestvom [The place of historical memory in perception of China by Japanese society], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 103–119. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10031